

УДК 82-1/-9

«TABLE-TALK» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА 1830-Х ГОДОВ

© Ирина Юхнова

“TABLE-TALK” IN THE CONTEXT OF PUSHKIN’S WORKS OF THE 1830s

Irina Yuhnova

The article considers Pushkin’s “table-talk” as an artistic phenomenon and reveals the potential of this genre. It specifies the principles of systematising the recordings, which make up the cycle, and explain the logic of the author’s thought. Thus, like Ya. L. Levkovich, we see the necessity of publishing the cycle in the sequence recorded in the police inventory. The article shows that in “table-talk” Pushkin’s priority is fixation of household, private occasions and incidents of the past as oral narrations. We demonstrate that the joke gradually replaces abstract reflections in the cycle. The article analyses such elements of the artistic structure as fragmentariness and eventfulness and describes the principles of representing personalities of people discussed in “table talks”. We explore how the “table talk” fits in Pushkin’s works of the 1830s. In particular, we have found several principles of depicting human characters similar to “The Little Tragedies”. We conclude that in the “table talk”, Russian everyday culture is seen as a unique way of world order and the Russian way of life has potential to create myths. Similar to “The Little Tragedies”, a unique hero in an unusual situation is depicted. Pushkin’s “table talks” emerge from the situation of communication, however, it is not designated in the structure of the cycle. Thus, it is the fact of recording the story which is valuable, as it helps to preserve household details, minor things, which usually fail to reach descendants, forgotten with times.

Keywords: A. S. Pushkin, “table-talk”, literary life, joke, document, oral story.

В статье рассматривается «Table-talk» Пушкина как художественное явление. Выявляется жанровый потенциал, уточняются принципы систематизации записей, составивших цикл, предпринимается попытка объяснить в нем логику движения авторской мысли, тем самым вслед за Я. Л. Левкович обосновывается необходимость публикации цикла в той последовательности, которая зафиксирована в жандармской описи. Показано, что в «Table-talk» приоритетным для Пушкина становится фиксация бытовых, частных событий и происшествий прошлого, которые существуют в форме устного рассказа; выявлено, что анекдот в цикле постепенно вытесняет отвлеченные размышления. Анализируются такие элементы художественной структуры, как фрагментарность, событийность. Охарактеризованы принципы репрезентации личности, о которой идет речь в «застольных разговорах». Рассматривается, как вписываются «Table-talk» в творчество Пушкина 1830-х годов. В частности, выявлены некоторые общие с «Маленькими трагедиями» принципы изображения человеческих характеров, высказывается мысль о том, что в «Table-talk» русская повседневная культура воспринимается как особый способ мироустройства, а русский бытовой уклад обнаруживает потенциал для мифопорождения. Как и в «Маленьких трагедиях», изображается уникальный герой в нетипичной ситуации. Указано, что «Table-talk» Пушкина вырастают из ситуации общения, однако в структуре цикла она никак не обозначается, так ценность приобретает сам факт фиксации рассказа, что позволяет сохранить бытовые подробности, мелочи, которые, как правило, не доходят до потомков, оказываются забытыми.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Table-talk», литературный быт, анекдот, документ, устный рассказ.

1830-е годы в творчестве Пушкина проходят под знаком прозы. При этом само прозаическое творчество поэта крайне разнообразно с точки зрения тех жанровых форм, которые в нем представлены: это и художественные произведения,

но также критические и публицистические статьи, заметки, автобиографическая проза, исторические сочинения. «Table-talk» (застольные разговоры), как правило, размещают в разделах нехудожественной прозы поэта, как бы фиксируя

их документальную природу, опору на факт, а не вымысел.

Как это ни парадоксально, но в определении жанровой принадлежности целого ряда пушкинских прозаических произведений остается много дискуссионных вопросов. И главный из них связан с уточнением корпуса собственно художественной прозы поэта. В частности, окончательно так и не решен вопрос, где размещать, например, такое произведение, как «Последний из свойственников Иоанны д'Арк».

Во всех изданиях его включают или в раздел «Критика и публицистика» [Пушкин, 1978], или в раздел «Критика и автобиография» [Пушкин, 1949], и лишь в пятитомнике, выпущенном С. А. Фомичевым, «Свойственник» помещен в разделе «Художественная проза» [Пушкин, 1994]. И данная рубрикация, как нам представляется, должна закрепиться при дальнейших переизданиях произведений Пушкина.

«Свойственник» по форме представляет собой журнальную статью, в которой рассказывается о курьезной переписке Дюлиса с Вольтером. Дюлис – потомок родного брата Иоанны д'Арк, живший в Англии, купил книгу Вольтера и, возмущенный ее содержанием, вызвал философа на дуэль. Вольтер от дуэли отказался, как отказался и от своего творения – книги, «напечатанной в Голландии и украшенной удивительными картинками» [Пушкин, 1978, с. 350]. В заметке приводится сама переписка, которую «книгопродавец эдинбургский», унаследовавший ее, выставил на «публичный торг», а также дается нравоучительный комментарий английского журналиста, который он завершает сентенцией: «Жалкий век! Жалкий народ!» [Там же, с. 352].

Внешне это, действительно, журнальная публикация, информативная, но вместе с тем и тенденциозная, поучительная. Однако вся переписка, как и публикация ее в английском журнале, – фикция, вымысел, пушкинская мистификация. Кроме того, есть дневниковая запись А. И. Тургенева от 8 января 1837 года о том, что Пушкин читал ему это произведение. Тургенев определяет «Свойственника» как пастиш (стилизацию), и велика вероятность того, что он передает пушкинское жанровое определение этого произведения. Какой посыл несет в себе это произведение, подробно рассмотрели Д. Д. Благой и А. Долинин. Они выявили биографические контексты «Свойственника» и высказали предположение, что он был репликой в диалоге с царем и близким кругом по поводу той ситуации, которая привела к дуэли [Благой], [Долинин].

Известно, что Пушкин предполагал опубликовать пастиш в ближайшем номере «Современ-

ника», и тогда получалось, что для основной массы читателей это была действительно журнальная заметка об историческом курьезе, для меньшей – произведение, имеющее трагический, глубоко личный подтекст. Для творчества Пушкина такая многоаспектность смысла не редкость (вспомним заметку о «Графе Нулине», которая свидетельствует о глобальной сверхзадаче, что реализовалась в поэме). Так, в «Свойственнике» документальность становилась фиктивной: Пушкин использовал псевдодокумент, моделировал возможное, а не реальное событие [Юхнова].

В связи с переосмыслением статуса «Свойственника» возникает вопрос о жанровой принадлежности и других заметок о Вольтере (в частности, заметки о продаже леса). Все тексты, в которых фигурирует французский философ, начинают складываться в некий прозаический цикл, объединенный, во-первых, единством героя (фигурой философа), во-вторых, темой (в них делается акцент на реально-бытовых подробностях жизни Вольтера, неприглядных сторонах его личности как «живого», бытового человека), в-третьих, характером репрезентации исторического персонажа, который подается через сложную систему точек зрения и восприятий: через свое письменное слово (его письма, записки), через слово его оппонента по жизненной (биографической) ситуации, через слово человека другой эпохи (журналиста). Так начинают соотноситься разные типы слова, воздействующего на массовую аудиторию, определяющего общественное мнение: слово философа – и новый тип публичного – журналистского – слова. Все это в целом выявляет глубокий сдвиг в самом типе мышления человека: философские рассуждения, к которым тяготел прошлый век, сменяют «пошлые», приземленные оценки людей, которых Пушкин определяет как vulgar. Стремление объяснить фундаментальные философские категории (естественные права человека, позитивные законы) вытесняется муссированием бытовых, скандальных подробностей. Энциклопедизм сменяет погоня за частным, скандальным фактом. Поэтому финальная реплика «Свойственника» может рассматриваться не только как оценка «жалких» французов, у которых потомок национальной героини бежит в Англию, но и надвигающегося века-торгаша, как фиксация того, что произошло утверждение «торгового» направления в литературе, культуре, массовом сознании.

Не менее интересным явлением в прозаическом творчестве Пушкина являются «Table-talk», над которыми поэт работал в 1835–1836 гг. История этого текста описана подробно [Левкович]. После смерти Пушкина была найдена папка,

подписанная таким образом, в ней в определенном порядке были сложены листы. Как доказала Я. Л. Левкович, Пушкин готовил «Table-talk» к печати, при этом некоторые из заметок, вошедших в состав «застольных бесед», имели свой самостоятельный путь к читателю. В частности, Пушкин предполагал опубликовать заметку «Державин» как комментарий к стихотворению «Воспоминания в Царском Селе», а «одинадцать анекдотов из общей пачки листов, объединенных данным названием, <опубликовал> в „Современнике“» [Фомичев]. Анализ бумаги, на которой были написаны эти заметки, позволил Я. Л. Левкович сделать вывод, что некоторые из них появились ранее, чем «Table-talk», стали создаваться как некое художественное единство [Левкович, с. 73], однако Пушкин включил их в цикл «застольных бесед», так как они отвечали его логике и позволяли представить прошлое и современность «домашним образом».

Я. Л. Левкович поставила вопрос о том, как публиковать «Table-talk»: сохраняя существующую практику, когда заметки размещаются по хронологии тех событий, о которых в них идет речь, или же таким образом, как расположил их в папке Пушкин (есть жандармская опись, сохранившая эту последовательность).

«Застольные беседы» разнообразны по тематике, характеру изложения и чаще не связаны между собой (исследователи говорят о свободном характере этих записок). Однако размещение их не по хронологии событий, как это делается в основной массе изданий, а по тому, как они расположены в пушкинской папке (условно назовем это «по логике рассказывания»), позволяет сделать несколько интересных наблюдений.

Во-первых, отчетливо прослеживается тенденция вытеснения размышлений историческим анекдотом: аналитическую, препарирующую мысль сменяет исторический факт, зарисовка с натуры, рассказ о бытовом, анекдотическом происшествии; происходит смещение интереса с рассуждения, умственного построения, частного «мнения» к рассказу, в котором нет отвлеченных суждений, но который претендует на достоверность.

Первые записи о Макиавелли и Шекспире – по форме и сути и есть рассуждения, но уже заметка о Фальстафе завершается рассказом о «современном» воплощении данного литературного типа, и этот рассказ представляет собой исторический анекдот. Литературное как бы прорастает в современной жизни, художественный образ, созданный несколько столетий назад, получает воплощение на новом историческом этапе.

Во-вторых, корректируется представление о свободной, произвольной связи между этими заметками – она перестает восприниматься как случайная, спонтанная.

Дело в том, что все записи (во всяком случае, большинство из них) реализуют схожую идею: они иллюстрируют какую-то человеческую страсть, какое-то свойство его характера. Ключ к такому пониманию «застольных бесед» содержится в заметке о Шекспире. Это известная записка, в которой сопоставляются две манеры изображения человека:

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры (разрядка наша – И. Ю.). У Мольера скупой скуп – и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолубив, остроумен. У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемеря; принимает имение под сохранение, лицемеря; спрашивает стакан воды, лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анжело лицемер – потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере! [Пушкин 1978, с. 65–66].

А далее Пушкин говорит о шекспировском Фальстафе, дополняя рассуждения рассказом о «своем» Фальстафе, каким он наблюдал этот тип в жизни. Тем самым показывается (не анализируется, не препарируется, а именно показывается – то есть дается в поступке, слове, единичном действии) некий вневременной, универсальный психологический тип, который в конкретно-исторических обстоятельствах обнаруживает потенциал для дальнейшей художественной разработки. Так, например, современный Фальстаф женат, и это обстоятельство обусловило такой поворот мысли:

Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира! [Там же, с. 66].

Если в таком ракурсе рассмотреть все записи, то они создают галерею вечных человеческих типов, представляют собой их разные воплощения. Среди них – глупец, ленивец, волокита, снисходительный вельможа, в ряде записей реа-

лизуется «вечный» сюжет «гений и подражатель». Так возникает картина нравов, о которых рассказывается безоценочно, а сама запись строится на воспроизведении «чужого» слова. Пушкин лишь иногда указывает, от кого услышана данная история, чаще же не сопровождает запись подобным комментарием, никак не обозначает ее источник – то есть дает ее обезличенно, как «хоровое мнение», «общий глас». При этом принципиально важно, что Потемкин, Костров, Херасков, Милонов, Дмитриев и др. герои исторических анекдотов – не вымысел, не литературная фикция, каковой был Фальстаф. Все это реальные люди, реальные исторические персонажи, вокруг которых формируется легендарный свод (что для Пушкина принципиально важно, так как предание, по его мнению, хранит этическую оценку, которую дал народ историческому лицу).

По сути, в цикле «Table-talk» другими способами решается та же задача, которую Пушкин реализовал в «Маленьких трагедиях», – изобразить вечный тип, вечный образ в конкретно-исторических условиях. Но если основа пьес – европейская история в ее кризисные моменты, то в «Table-talk» вечное проявляет себя в основном в условиях русской повседневности. Так русская история и русский быт начинают обретать черты самобытного, уникального культурного мира, который при этом оказывается вписанным в мировой поток; сохраняя свою уникальность, коррелирует с ним. Как замечает М. Н. Виролайнен, «культура для Пушкина оказывается чем-то гораздо большим, чем представление, идеология, система взглядов: он видит в ней способ мироустройства» [Виролайнен, Беляк, с. 212]. В «Table-talk» Пушкин находил ту форму, которая позволяла представить ему русскую культуру как «особый способ мироустройства», как уникальное явление со своим культурным героем. Так русская история, жизненный уклад начинали восприниматься как мифопорождающие.

И второй важный момент, который отсылает к художественным открытиям «маленьких трагедий», – это изображение некоей страсти в ее уникальном, экстраординарном проявлении. Снова сошлемся на наблюдение М. Н. Виролайнен: «Для каждой из „маленьких трагедий“ избраны уникальная коллизия и уникальный герой – именно уникальный, а не типичный. И Скупой рыцарь, и Дон Гуан, и Сальери, и Вальсингам – лица экстраординарные для эпохи, в которой они живут. Но насколько уникальны герои и коллизии, настолько же типичны конфликты каждой трагедии» [Там же, с. 214]. Подобное соединение типичного и уникального намечается и в «Table-talk». В них собраны эксцентричные

поступки уникальных, знаковых для своей эпохи людей. Хотя сюжет каждой истории – это единичная ситуация, она все же, при всей ее уникальности, является характерной, типичной и для эпохи и для этой личности, а потому через единичное действие, слово проступают и дух эпохи, и главные черты человека, анекдот о котором сохранился в памяти людей. Пушкин собирает истории, которые способны стать легендой и формируют персональный миф, в частности мифы о Петре I, Потемкине, Державине и др. [Гребнева], [Приказчикова].

Третий важный момент связан с тем, как сам Пушкин определяет эти записки, – «застольные разговоры». То есть все записки как бы вырастают из живого общения, но они структурированы таким образом, что никакого намека на ситуацию общения не возникает: никак не указано, при каких обстоятельствах, где эти истории были рассказаны, в связи с чем; с какой целью; нет апелляции к собеседнику; нет индивидуальных особенностей речи рассказчика. Все это вынесено за скобки. Важным становится не факт «рассказывания», а то, что эти истории, анекдоты, воспоминания были услышаны, зафиксированы слушателем, записаны тем, кто осознает необходимость сохранения таких живых проявлений личности и эпохи.

Что помнит человек из своего прошлого, которое становится частью истории и что не сохранит никакой исторический документ? Харизму, обаяние другого человека, чей-то экстраординарный поступок, острое, удачное словцо. В памяти оседает некое несовпадение с нормой, стереотипом, но такое, которое как раз и передает дух эпохи и своеобразие личности.

Вместе с тем эти фрагментарные записки (и фрагментарность в данном случае принципиальна, ведь прошлое доходит до последующих поколений во фрагментах, осколках, отрывках, соединяя, заполняя разрывы, лакуны, между которыми потомок восстанавливает утраченную целостность) позволяют сохранить оценки, мнения человека другой эпохи, те подробности, бытовые детали, мелочи, которые безвозвратно уходят; позволяют напомнить о том, что стало объектом пересудов, осело в памяти. Именно этот принцип – фиксация единичных, нестандартных, но знаковых моментов ускользающей, утекающей жизни – и будет воспринят у Пушкина последующими авторами как жанрообразующий (свой вариант «Table-talk» создал, например, В. С. Баевский).

Список литературы

Благой Д. Д. «Душа в заветной лире»: Очерки жизни и творчества Пушкина. М.: «Советский писатель», 1979. 544 с.

Виролайнен М. Н., Беляк Н. В. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории // М. Виролайнен Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. С. 190–236.

Гребнева М. П. Персональные мифы флорентийских политических деятелей в русской литературе // Филология и человек. 2013. № 3. С. 130–137.

Долнин А. Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Ионны д'Арк» // И время и место: историко-филологический сборник к 60-летию Александра Львовича Осповата (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 5). М.: Новое издательство, 2008. С. 198–216.

Левкович Я. Л. «Table talk» Пушкина // Русская литература. 1987. № 1. С. 70–77.

Приказчикова Е. Е. Персонасфера русского литературного анекдота XVIII века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2. С. 328–342.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 543 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 12. Критика. Автобиография. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1949. 576 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. СПб.: Библиополис, 1994. 708 с.

Фомичев С. А. Примечания: Table-talk // А. С. Пушкин Собрание сочинений в пяти томах. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 5. С. 603.

Юхнова И. С. «Последний из свойственников Ионны д'Арк»: диалогический потенциал произведения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1–1. С. 334–337.

References

Blagoi, D. D. (1979). *“Dusha v zavetnoi lire”*: *Ocherki zhizni i tvorchestva Pushkina* [“The Soul in the Cherished Lyre”: Essays on Pushkin’s Life and Work]. 544 p. Moscow, “Sovetskii pisatel”. (In Russian)

Dolnin, A. (2008). *Kak ponimat' mistifikatsiiu Pushkina “Poslednii iz svoistvennikov Ionny d’Ark”* [How to Understand Pushkin’s Mystification “Joan of Arc’s Last Relative”]. *I vremia i mesto: istoriko-filologicheskii sbornik k 60-letiiu Aleksandra L'vovicha Ospovata* (Novye materialy i issledovaniia po istorii russkoi kul'tury. Vyp. 5). Pp. 198–216. Moscow, Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

Fomichev, S. A. (1994). *Primechaniia: Table-talk* [Notes: Table-talk]. A. S. Pushkin. *Sobranie sochinenii v piati tomakh*. T. 5, p. 603. St. Petersburg, Bibliopolis. (In Russian)

Grebneva, M. P. (2013). *Personal'nye mify florentiiskikh politicheskikh deiatelei v russkoi literature* [Personal Myths of Florentine Political Figures in Russian Literature]. *Filologiya i chelovek*. No. 3, pp. 130–137. (In Russian)

Iukhnova, I. S. (2013). *“Poslednii iz svoistvennikov Ioanny d’Ark”: dialogicheskii potentsial proizvedeniia* [“The Last of the Relatives of Joan of Arc”: The Dialogic Potential of the Work]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 1–1, pp. 334–337. (In Russian)

Levkovich, Ia. L. (1987). *“Table talk” Pushkina* [Pushkin’s “Table Talk”]. *Russkaia literatura*. No. 1, pp. 70–77. (In Russian)

Prikazchikova E. E. (2016). *Personosfera russkogo literaturnogo anekdota XVIII veka* [Personosphere of the Russian Literary Joke in the 18th Century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. No. 2, pp. 328–342. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1978). *Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t.* [Complete Collection of Works: In 10 Vol.]. T. 7. *Kritika i publitsistika*. 543 p. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1949). *Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t.* [Complete Collection of Works: In 16 Vol.]. T. 12. 576 p. *Kritika. Avtobiografiia*. Moscow-Leningrad, izd-vo AN SSSR. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1994). *Sobranie sochinenii v piati tomakh* [Collection of Works in Five Volumes]. T. 5. 708 p. St. Petersburg, Bibliopolis. (In Russian)

Virolainen, M. N., Beliak, N. V. (2003). *“Malen'kie tragedii” kak kul'turnyi epos novoeuropeiskoi istorii* [“The Little Tragedies” as a Cultural Epic of the New European History]. Moscow, Virolainen Rech' i molchanie: Siuzhety i mify russkoi slovesnosti. Pp. 190–236. St. Petersburg, Amfora. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2018

Поступила в редакцию 08.09.2018

Юхнова Ирина Сергеевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Россия, Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23.
yuhnova@flf.unn.ru

Yuhnova Irina Sergeevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod,
23 Gagarina Av.,
Nizhni Novgorod, 603950, Russian Federation.
yuhnova@flf.unn.ru